

С.С.Хоружий

ОПЫТ СТРАДАНИЯ В ПРАВОСЛАВНО-АСКЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

*Сообщение на конференции «Третьи Феодоритовские Чтения»,
село Варзуга Терского берега Белого моря,
6-8- августа 2010 г.*

*Тема конференции:
«ХРИСТИАНСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
НА СТРАДАНИЯ И СКОРБИ В СПАСЕНИИ ЧЕЛОВЕКА»*

Классическая европейская культура Нового Времени немало потрудились над тем, чтобы создать образ христианства как мрачной религии, религии страха и подавления человека, религии, культивирующей страдание во всех его формах – болезни, скорби, умерщвления плоти. И нельзя сказать, чтобы подобный образ был полностью и совершенно лишен оснований. Прежде всего, христианство решительно утверждает не только неизбежность, имманентность страдания (как одного из главных стигматов падшей природы твари), но и теснейшую его связь с прохождением христианского пути ко спасению. Кульминация земной жизни Христа – Крестный Путь страдания, и приобщение христианина ко Христу означает и приобщение к Его страданиям, так что страдание неотъемлемо внедрено в икономию спасения. «Нет скорбей – нет спасения», – говорил преп. Серафим Саровский, а о. Александр Ельчанинов, известный духовный писатель и пастырь русской эмиграции, написал: «Если со Христом, то и со страданиями».

Эти общие положения проявляются во множестве конкретных следствий. Страх Божий – действительно, одна из ведущих установок христианского сознания; формула «умерщвление плоти» широко употребляется в христианской аскезе; а покаянные труды в православии включают в себя жесточайшее самообличение, самоосуждение, острые переживания своей греховности и вины пред Богом и ближними. Важную роль в аскетическом опыте играют слезы, «плач духовный» – настолько важную, что, скажем, в древнесирийской традиции сам термин «монах» в буквальном смысле означал «плачущий». Уже одна знаменитая картина «темницы кающихся» в Пятом Слове «Лествицы» достаточна, чтобы говорить всерьез о культе страдания в православной аскезе.

И все же вывод о таком культе был бы поспешным и неверным. Стойким мотивом в аскетике проходят и предостережения против чрезмерного, непосильного поста, против самоистязаний, вообще – против культивации страдания как такового, как самоцели; звучат наставления о строгой необходимости подчинять все самоиспытания духовным

задачам подвига. Следующее вскоре за описанием темницы Слово Седьмое носит название «О радостотворном плаче», и стоящий здесь эпитет-оксюморон весьма важен и характерен. Св. Иоанн в этом Слове говорит: «Плач и печаль имеют внутри себя заключенные радость и веселие, подобно меду в восковой ячейке» (7,49). Действительная структура сознания оказывается здесь не однородно-страдательной, а двойственной, диполярной, и наряду с полюсом страдания в ней присутствует также полюс радости и веселия, ликования и любви. Притом, именно этот второй полюс получает в конечном итоге первенство. Лествичник пишет: «Слезы об исходе души рождают страх; а когда страх породит небоязненность, тогда воссиявает радость; когда же достается в удел нескончаемая радость, тогда выходит цвет святой любви» (7,56). «Радуйтесь и веселитесь!» – сказано христианам уже в Нагорной Проповеди (Мф 5,12), и у Лествичника, как и во всей исихастской аскезе, веселие о Господе – стойкий лейтмотив. Напротив, уныние – смертный грех, его одоление – Тринадцатая ступень Лествицы, и «ничто не уготовляет так монаху венцов как борьба с унынием» (13,12).

При всей лаконичности, даже скупости, эти указания преп. Иоанна точны и глубоки. В них, на поверку, намечается цельная линия христианского отношения к страданию и скорби. Ключевое понятие тут – **«претворение»**, изменение самой природы и сути человеческого страдания. Уже и в Новом Завете, оно, хотя и не присутствует явно, как термин, но служит основой отношения к скорбям и страданиям (ср., напр.: «Печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости» (Ин 16, 20-21); «Печаль ради Бога производит... покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор 7,10) и др.). В аскетическом дискурсе, а за ним и во всей сфере христианского душепопечения, христианской психологии, принцип претворения последовательно выступает центральной рабочей установкой христианской культуры чувств. Одно из первых упоминаний этого принципа мы встретим уже и в «Лествице», «Божие заступление есть обновление души, подавленной печалию, и оно чудным образом претворяет болезненные слезы в неболезненные» (7,55). Попытаемся дать самое краткое описание этого благодатного претворения.

Прежде всего, аскетическая антропология обрисовывает и настойчиво подчеркивает ту двойственную, амбивалентную структуру феномена страдания, в рамках которой совершается претворение. *Есть два облика страдания, и претворение – это переход от одного из них к другому.* Облик первый – это страдание в его сырой эмпирической реальности, как боль телесная и душевная, невыносимые ощущения, нарушение и

невозможность нормальной жизни, утрата тех или иных необходимых слагаемых существования. От этого облика идут прямые выходы, следствия к самым разным губительным, негативным явлениям: к опустошенности, ожесточению, озлоблению, к отчаянию, к искажению видения мира, нарушению связей с ближними. Возникает опасность изоляции, замыкания в своем страдании, отсюда – деформации сознания и личности, а в конечном итоге – их разрушения.

Другой же облик во многом противоположен. Как издавна описывалось в духовной литературе, страдание может оказаться духовной возможностью, послужить побудительным толчком, материалом, ареной для духовного углубления страждущего человека. В его опыте есть духовно поучительные, душеполезные элементы, оно может быть одухотворенным и промыслительным, т.е. направляющим человека по пути духовного восхождения. «Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни... Страдания имеют положительную силу и смысл... Они заставляют человека открыть глаза на себя и мир, обращают его к Богу», – пишет уже упомянутый нами о. Александр Ельчанинов¹. А у известного христианского апологета минувшего века, Клайва Льюиса можно найти такой афоризм: «Страдание – мегафон Бога». Особенно, пожалуй, часто говорится о душеполезности болезней; так, Ельчанинов пишет: «Болезнь – не несчастье, а поучение и Божие посещение... Болезнь – школа смирения... самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу»².

Однако, хотя рассуждения о благотворности страдания в христианской литературе весьма обильны и нередко пространны, но очень часто подобные поучения и наставления (в том числе, и у Ельчанинова) оставляют в тени важнейшее обстоятельство: эта благотворность рождается и осуществляется лишь при определенных условиях, которые вовсе нельзя считать выполненными всегда и автоматически. Напротив, если страдание предоставлено самому себе, отдано обычному течению мирской жизни – оно тогда пребудет в своем обычном эмпирическом облике, который отнюдь не открывает для человека никаких духовных перспектив, но лишь обезображивает тело и душу, является лишь несчастьем и сугубым злом. Страдание промыслительное и духоносное – это не данность, а задание, это высшая ступень страдания, тот его облик, который не возникает сам собой, а может лишь соиздаться путем преодоления и претворения другого облика, губительного и опустошающего страдания. Именно об этом претворении говорит Лествичник и другие исихастские учителя, и именно в нем заключается существо

---

¹ Священник Александр Ельчанинов. Записи. М., 1996. С. 23, 94.

² Там же. С.69,25,27.

проблемы страдания в христианской духовной жизни. Необходимо ответить на два тесно связанных вопроса:

- в чем содержание и суть претворения страдания из губительной силы в духовно благотворное явление? иными словами, что именно должно произойти со страданием?

- как осуществляется претворение?

Ответ на первый вопрос достаточно очевиден: он определяется тем, что все стороны, все явления в жизни христианина обретают свой смысл, когда ставятся в связь с фундаментальным смыслопорождающим отношением: отношением христианина ко Христу. Отношение к Богу конститутивно для человека, из этого отношения формируются его личность и идентичность. Соответственно, опыт страдания также будет созидательным, а не разрушительным для личности человека, если в этом опыте открывается и реально переживается связь с искупительным страданием Христа, приобщение к этому страданию; или, иными словами, если этот опыт вводится в христоцентрическую перспективу. Если страждущий христианин доподлинно сумел достичь восприятия и переживания своего опыта в этой перспективе, как опыта, имеющего родство и единство со страданием Христовым, тогда этот опыт углубляется и трансформируется, «жало страдания» теряет силу – и так совершается искомое претворение страдания.

Но следует попытаться увидеть ближе, конкретней, что же это реально значит, «введение в христоцентрическую перспективу», переживание собственного страдания в свете страданий Спасителя. Чем отличаются, что особое несут в себе искупительные страдания Христа? Решающее слагаемое в них – то, что они животворимы и одухотворяемы жертвенною любовью, что опыт их в качестве главного элемента включает в себя опыт любви. Отсюда мы можем заключить, что введение опыта страдания в христоцентрическую перспективу означает, прежде всего, рождение и укрепление в сознании страждущего опорного экзистенциального отношения, *Страдание – Любовь*. Если переживание страдания тем или иным путем сопрягается, сливается воедино с любовью, то опыт страдания, сумевший вместить в себя и опыт любви, несет в себе и приобщение Христовым страданиям. И в этом смысле, подобный опыт – христоцентричен, соответствует христоцентрической перспективе.

Здесь мы уже постепенно переходим ко второму вопросу. Если претворенное, одухотворенное страдание – это страдание, проникнутое и насыщенное любовью, – как можно достичь этой проникнутости? На это едва ли возможен простой и краткий ответ; сейчас мы лишь попробуем обозначить некоторые вехи. Прежде всего, очевидно, что здесь заведомо нет и не может быть формальных правил, инструкции, общего рецепта.

Подвизаясь в претворении страдания, страждущий христианин выходит за пределы своего индивидуального мира, расширяя свой опыт сверх-индивидуальными, intersubъективными восприятиями, на которых зиждется опыт любви. Эти восприятия принадлежат сфере личного общения, и как таковые, они уникальны и непредсказуемы, непрограммируемы. Опыт любви никогда не может иметь ни регламентированного наперед хода, ни гарантированного успешного исхода, ибо они, эти ход и исход, зависят от внутренней реальности данного, единичного страждущего человека, от всей его неповторимой ситуации.

Отсюда ясна и другая важная особенность. Претворение страдания в страдание промыслительное и духоносное не может вменяться страждущему как обязанность, точно так же как в подвиге достижение его вершины, обожения, не может вменяться в обязанность подвижнику. Эта параллель с подвигом содержательна и может быть продолжена. Страждущий стремится к претворению страдания как подвижник к обожению; однако стремление и того и другого осуществляется в такой стихии, где заведомо невозможно продвижение, расчисленно и predeterminedенно достигающее намеченной цели. В претворении страдания, благодаря наличию опыта любви, также происходит размыкание человека, и в нем также необходимо присутствие и действие благодати (хотя формы ее присутствия и пути ее стяжания страждущим требуют отдельного тщательного раскрытия). И наконец, как прохождение подвижником ступеней Лествицы нуждается в определенном участии аскетического сообщества, так и в претворении страдания очень существенно участие и содействие ближних, существенна помощь со-страдания. Христианское сострадание – это общение любви, в котором совершается совместное вхождение со страждущим в икономию любви Христовой, что есть и икономия Его страданий и жертвы. Это совместное вхождение и восхождение, черпающее путеводную поддержку в опыте мучеников и святых, – та высшая форма, которую принимает общение любви, когда участники общения соединены принадлежностью к Церкви. Особым его отличием является опять-таки нерегламентируемость, не-нормативность, а точнее – сверх-нормативность человеческого участия и сострадания, которую они обретают благодаря приобщению к искупительной любви Христа. В священном событии Искупления, которое распространяется на всех, на каждого независимо от его свойств и деяний, дан образец и одновременно источник христианской любви, благодатной и принципиально сверх-нормативной, не ограничивающей себя никакими барьерами. У нас в России, в истории русского христианства, мы видим замечательнейший пример такой любви в служении русских старцев. Мы знаем, какую поразительно чуткой и действенной была помощь старцев в

людских страданиях, насколько реально она продвигала человека к претворению своего страдания.

Раскрывающаяся здесь совместная, соборная икономия православного отношения к страданию очень важна. Можно вспомнить в этой связи, что в двадцатом столетии – не в последнюю очередь, в силу его страшных событий и катастроф – проблема страдания стала одной из центральных проблем как религиозной, так и философской мысли. Она продумывалась и решалась с очень разных позиций, но безусловно преобладающим был взгляд, для которого страдание выступало как проблема изолированного сознания и одинокого, предоставленного самому себе человека. Весьма влиятельный, глубоко разработанный пример такой трактовки страдания представил, в частности, европейский экзистенциализм. Однако описанный нами взгляд православной традиции принципиально отличен: здесь феномен человеческого страдания связуется с жизнью церковного Тела и вводится в универсум любви Христовой. Он приобретает новые, соборные измерения христианского сострадания и за счет них, с их помощью испытывает претворение. И претворенное страдание, переживаемое как участие в страданиях Христа, становится очищающей и созидательной силой в жизни христианина.

2010